

Влюбившись, Яна почувствовала красоту магического сюрреализма каждой клеткой своего бытия. Мастурбируя по утрам, она смачивала пальчик во рту, затем спускалась к розовой жемчужине. Набело выбритый цветок любви принимал в себя хоботок, отдавал нектар по капельке. Яна становилась цветком, кормящим бабочку. В этот момент девушка растворялась в магическом сюрреализме, погружалась в картину, которую рисовало воображение. Бабочка лакала божественный экстракт, источаемый цветком, махала крылышками, вставляя хоботок в пестик до конца.

Шанс покормить бабочку представился, когда бойфренд Яны пригласил её на дачу к родителям на шашлыки. По счастливой случайности мамы Дениса на даче не оказалось. После ужина молодые отправились на второй этаж, а Виктор Алексеевич остался расстилаться на первом.

Дождавшись, пока Денис отстреляется и уснёт, Яна тихонечко покинула постель и на цыпочках спустилась вниз.

— Виктор Алексеевич, — зашептала она, сгорая от волнения. — Вы спите?

— Нет, — он перевернулся. — А что? — тоже шёпотом спросил её.

— Мне страшно. Можно я с вами полежу, — она опасно сблизилась с кроватью.

— А Денис что?

— Денис спит. А я хочу с вами поговорить. Можно я прилягу с краю?

— Ну давай, — неуверенно ответил Виктор Алексеевич, двигаясь к стене. — А если он проснётся?

— Он не проснётся, — Яна запрыгнула под одеяло и сразу положила руку на мохнатую грудь.

— О чём ты хотела поговорить? — настороженно спросил он, не подозревая о коварных намерениях цветка. Яна стремительно опустила руку на пах и обхватила гениталии под трусами.

— Вот об этом, — радостно шепнула она.

Виктор Алексеевич неуклюже попытался убрать её руку:

— Яна, ты выпила вина. Завтра всё пройдёт. Иди лучше к себе, — он держал её руку от греха подальше.

— Это всё из-за Дениса? — Яна обиженно надула губки.

— Нет, не только, — Виктор Алексеевич напряжённо дышал. — Ты молодая, тебе нужен молодой. А у меня есть жена, сыновья. Нельзя так поступать.

— Я знала, что вы так ответите, — восторженно зашептала Яна. — Я расстанусь с Денисом, а вы разведётесь. И мы уедем жить туда, где нас никто не найдёт. Давайте?

Виктор Алексеевич усмехнулся.

— Нет, не «давайте».

Яна вырвала руку и нырнула головой под одеяло. Она боролась с руками секунд двадцать, прежде чем он сдался. Мягкий толстый член с яичками отправился на растерзание жадному ротику.

— Чёрт с тобой, — хрюнул Виктор Алексеевич где-то сверху. Его член стремительно заливался сталью. Яна оторвалась на секундочку:

— Я только поласкаю вас и пойду, — радостно сообщила она, пытаясь успокоить волнение

мужчины мягкими поглаживаниями по напряжённому животу. Спустившись она обхватила двумя руками твёрдый, как полено, подрагивающий член, красочно раскрывшийся на глазах, увенчанный мягкой головкой, которая буквально сползла краями под давлением прилившей крови.

Этот член, о котором она так долго мечтала, поразил её размером и красочной формой: он словно состоял из трёх спаянных стальных штырей, обтянутых венами и тонкой кожей. Штыри прочно крепились у основания лобка, стягивались вместе к вершине. Яна обхватила член последовательно двумя руками, и всё равно оставалась добрая часть, которая полностью заполняла рот.

Она гоняла этот ствол руками и ртом, скрыв его, обсасывая верхнюю треть. С Денисом ей хватало одной руки, а здесь не хватало ни рта, ни рук. В сумраке комнаты Яна искала глаза Виктора Алексеевича. Они зачарованно мерцали перед ней, горели расклеймённым желанием овладеть ею до конца.

Виктор Алексеевич, как пушинку, стянул Яну с члена и опрокинул на спину под собой. Затем резким движением снял с неё трусики и маечку.

— Никуда ты теперь не пойдёшь, — прохрипел он. В его голосе она услышала новую незнакомую нотку похоти, которая так понравилась ей, что от счастья у неё перехватило дыхание и она уже ничего не признавала.

Презерватив оказался рядом, Яна и представить не могла, что Виктор Алексеевич окажется таким диким. Он взял её одним движением, просто пригвоздил к кровати, вогнав вздыбленную спаянную сталь до конца так, что у Яны голова пошла кругом и перед глазами поплыло. Её маленькое выбритое влагалище радостно захлюпало, когда Виктор Алексеевич, набирая ход, начал влетать в неё, шлёпая яйцами по попе.

— Виктор Алексеевич, — Яна закусила нижнюю губку, смотрела на него молящим ласковым взглядом. — Вы такой там хороший.

Виктор Алексеевич — подтянутый поджарый мужчина сороха пяти лет — засунул ей указательный палец в рот, чтобы она молчала, ладонью прижал головку к подушке. Он трахал её нещадно, сорвавшись с цепи, как будто наказывал. Нежно, по-отечески пришлёпывая яйцами по попе. Никогда у него не будет такой девушки, как Яна. Никогда.

Она сразу понравилась ему. Курносая небольшая девочка-мишка с пухлыми чувственными губками, с растрёпанной густой шевелюрой мелированных волос, пробудила в нём давно забытый интерес. Волосы были стильно уложены гелем, не смотря на кажущийся беспорядок на голове. Она вообще вся была очень стильная, начиная с кошачьей походки. Спортивная блондинка в джинсовой курточке страшно комплексовала в его присутствии, стесняясь сказать или спросить. Он даже начал подозревать, что с ним что-то не так. Её большие откровенные глаза, зелёные, вечно прятались, скрывались под чёлкой. Яна постоянно приходила накрашенная, с подведёнными бровями, необычными голубыми тенями, ошейничком. Иногда он замечал миниатюрные соски, которые просвечивались под белой майкой, подрагивали на грудках. «Ходит без бюстника», — удивлённо думал он. Её упругая круглая попка, обтянутая бледно-голубой потёртой джинсой, мелькала перед глазами. Яна словно нарочно гладила себя по бёдрам, засовывала руки в задние кармашки, пританцовывая.

И вот сейчас он трахал эту попку, влетая по самые яйца. Молодое упругое влагалище не сравнить с разбитым лоном жены. Яна была гладко выбрита — белая хлюпающая писечка,

обсасывающая его, детская, как-будто никогда не знавшая ни волос, ни бритвы, зачарованно двигалась навстречу. Каждое прикосновение к ней, пришлёпывание приносило ему невероятный фонтан эмоций.

Блестящее украшение в её пупке подлетало, равно как и грудки, которые, возбудившись, топорщились бурьми бугорками. Яна извивалась под ним, как кошечка. Она втягивала живот, брюшной пресс сокращался, выдавливая место прикосновения ещё выше.

Яна чувствовала себя прекрасно: как сюрреалистический цветок, который наконец раскрылся. Огромный хобот пил её до конца, наполняя энергией.

Ногами Яна обхватила отбойную машину, затрахивающую её до конца. Приподнявшись на локтях, она жадно хватала языком губы Виктора Алексеевича, пытаясь внизу поймать его ритм движениями таза навстречу. Если она когда-нибудь нарисует эту картину, думала она, это будет шедевр, сравнимый разве что с оргазмом. Накатывающим, как морской прилив, неумолимым, вечным.

— А, — громко сорвалось с её губ. Ладонь тут же накрыла её рот, и она продолжила мычать в руку: — А-а-а-а.

Яна кончала под его мощными ударами, сладко агонизировала, чего никогда не случалось с ней раньше с мужчинами. Он не знал пощады, ускорился, как будто и не было в нём мышц и костей, а был только этот хобот — огромный твёрдый насос для подачи лакомства, влетавший в неё с невероятной скоростью, превративший её в цветок.

Хобот застыл камнем, продолжая мельтешить перед глазами, выгнулся в дугу, она уже забыла, как глубоко он входит, и он напомнил ей, замерев где-то под сердцем, насадив её на сталь. Ещё и ещё раз, закачивая в пестик нектар. Она чувствовала опыление каждой клеточкой, цветок в ней расцвёл яркими красками.

— Цветок, — шептали её губы.

Как бы она хотела нарисовать этот шедевр прямо сейчас.